Е.Н. ДАНИЛОВА

ТРАНСФОРМАЦИИ ЗАПАДНОЙ СОЦИОЛОГИИ: МЕЙНСТРИМ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОВЕСТКА

ДАНИЛОВА Елена Николаевна – кандидат социологических наук, руководитель Центра теоретических и историко-социологических исследований Института социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия (endanilova@gmail.com).

Аннотация. Имеют ли концептуализации социологического мейнстрима, сформировавшегося сегодня в западном контексте, универсальное значение в силу объективных коннотаций времени, или отражают текущую идеологическую повестку? В русле обсуждения этого вопроса предлагается ретроспективный взгляд на перемены последнего полувека в западном академическом дискурсе о социальных неравенствах: конструктивистский поворот, борьба с эссенциализмом, понятие и теории идентичности, политика идентичности, «смерть класса», новая левая повестка. Критически обсуждаются взаимосвязь терминологии левого мейнстрима с проблемой замены классовой политики неклассовой, роль академического активизма в изменениях последних десятилетий.

Ключевые слова: западная социология • социальные неравенства • конструктивистский поворот • эссенциализм • идентичность • политика идентичности • «смерть класса» • новая левая повестка • академический активизм

DOI: 10.31857/S0132162524010022

Социология перестала служить идеалам «старого» Просвещения, под знаменем которых родилась? Этот вопрос не нов, в академической среде одни говорят о «роковой смеси» науки и политики [Бэр, 2020], другие беспокоятся за свободу слова, приводя примеры дисциплинарных – вплоть до репрессивных – мер в западных университетах¹. Статья анализирует формирование мейнстрима западной социологии, того, что вошло в учебники и учебные программы, преподается в университетах и школах, представлено в публикациях, в приоритетах профессиональных ассоциаций и обсуждений национальных и международных конференций. Социология мейнстрима сродни «новому прогрессивному просвещению» и «леволиберальной» политической повестке. Изменилась и роль социологов – от отстраненных исследователей к активистам. «Левый марш социологии» – итог противоречивых взаимообусловленных и последовательных изменений общества, идеологической повестки и научных изысканий. По сути, речь о том, что «...как правило, наиболее распространенные парадигмы связаны с доминирующими отношениями силы и меняются вслед за ними» [Терборн, 2022: 16].

Общественные изменения нуждаются в языке описания и интерпретации, и социология одна из областей знаний, что вводила его в научный и публичный оборот. Как за последние полвека «срастались» поле знаний и поле политики, каковы результат и терминология совместного творения? Рассмотрим тезисно в критической логике взаимообусловленные повороты западной социологии второй половины XX и начала XXI в. и в академическом дискурсе социальных неравенств. Что стоит за изменениями?

¹ Например, введение в университетах программ, комитетов и комиссий, контролирующих содержание курсов, мероприятий, дискуссий в университетских кампусах и школах, а также дисциплинарных и репрессивных мер – увольнений, публичных шейминга, деплатформинга и др. См.: Haidt J., Lukianoff G. The coddling of the American mind: How good intentions and bad ideas are setting up a generation for failure. N. Y.: Penguin, 2018 и др.

Конструктивистский поворот и академический активизм. Конструктивистский (конструкционистский) поворот в социологии обычно связывают с появлением перспективы широких возможностей познания социальной жизни (см., напр., [Штомпка, 2009]), перспективы, снабжающей идеями о том, как социокультурные процессы обеспечивают условия и ресурсы, которые делают нас людьми, и как люди повседневно осваивают этот мир и социальный порядок. Пройдя путь от Новой науки Дж. Вико XVIII в., теоремы Томаса, работ П. Бергера и Т. Лукмана и этнометодологов до марксистских и постмодернистских критических теоретиков, в конце XX в. конструктивизм стал способом познания и онтологической альтернативой таким теориям, как позитивизм и функционализм, изменив социальное мировоззрение и способы мышления. Выделим несколько моментов.

(1) Конструктивизм утвердился в качестве *основной антитезы* эссенциализму, ему отводилась особая роль в низвержении последнего, – и в этой роли он позиционируется вплоть до наших дней [Calhoun, 1994]. Эссенциализм искал объяснения социальных явлений, бытия и человека в их неизменной сути, претендующей на статус объективной. Корни подобных представлений уходят в раннюю философию и антропологию. В социальном знании эссенциализм понимает, к примеру, индивидуальную идентичность как аскриптивную и сохраняющую свои сущностные черты. Аскриптивные черты, как правило, рассматриваются в терминах «естественного» или «биологического» различия (пол, этничность, расы), как наследованные, присущие с рождения, практически неизменные, а значит, связанные с объективными сущностями. Суждения о неизменности природы человека никогда не были востребованы конструктивистами. Напротив, социальный конструктивизм, исходя из постоянной изменчивости, опровергает такое понимание. Победа над эссенциализмом в социологии признана свершившимся фактом [ibid.]. В конце XX – начале XXI в. это проявилось в критической расовой теории, теориях гендерного неравенства, новой идентичности, в политике идентичности и многих других. Все они исходят из того, что нет заданных расы, гендера, этничности и т.п.; они лишь закрепленные в конкретных культурно-исторических контекстах представления-конструкты, которые мы можем трансформировать, выбирая идентичность.

(2) В конце XX в. к конструктивистскому направлению все чаще обращаются при рассмотрении неравенств социального мира, это касается гендера, расы и этничности. В основе этих подходов – критические теории, имеющие марксистские корни, в частности Франкфуртской школы, и постмодернистские теории (Ж.-Ф. Лиотар, Ж. Бодрийяр, Ж. Деррида, М. Фуко, хотя последний не отождествлял себя с постмодернизмом). Первые ставят цель распознать стоящие за поверхностными социальными процессами скрытые механизмы господства структур сознания и способов доминирования, порождающих несправедливый порядок. Вторые подвергают сомнению само существование научного знания о реальности, проповедают деконструкции как способ анализа и одновременно осознания неустойчивости и изменчивости социального мира и релятивности наших знаний о нем. Слово вскрывая секреты черного ящика, эти теории распознают несправедливости, замаскированные «наследниками» старого просвещения в функционалистских и позитивистских картинах реальности.

Отрицаются предыдущие толкования и представления, устоявшиеся договоренности и порядок, поскольку они не даны навеки, а рассматриваются как приобретенные значение в силу культурной и исторической обусловленности. Соответственно, они могут быть отменены как не имеющие отношения к текущему измененному состоянию. Увлечение постмодернистской деконструкцией чревато тем, что практически все может быть подвергнуто сомнению. Хорошо известные примеры современных практик культуры отмены.

(3) Конструктивистская перспектива открыла возможности не только познания, но и создала более явные ощущения возможности изменений на практике. Слияние науки и практики – важная линия социального конструктивизма, связанная с управлением. С одной стороны, эти идеи служат инклюзии, избавлению от ярлыков и стигм – в прикладных и практически ориентированных дисциплинах, таких как социальная работа,

управленческое консультирование, реклама, здравоохранение, образование, медицина и уход и др. С другой – наблюдается усиление академического активизма, мотивированного критическими теориями и социальными движениями, которые ставят задачу изменить ситуацию. Сегодня активизм и необходимость заявлять свою позицию, участвовать в акциях стали требованием к профессии, поощряемой профессиональной характеристикой. Некоторые авторы называют волну академического активизма (activism-scholarship) прикладным постмодернизмом [Плакроуз, Линдси, 2022].

Ярким примером служит критическая расовая теория (КРТ), где конструктивизм и активизм актуализировали друг друга [Delgado, Stefancic, 2000; 2001]. Она возникла в начале XXI в. из критики правовых систем США. Эволюция социологического знания расового вопроса прошла путь от расовой науки, господствовавшей в Европе около двух веков и после Второй мировой войны полностью дискредитированной, до рассмотрения во второй половине XX в. понятий культурного, структурного и институционального расизма. В них не подвергается сомнению постулат, что расы – не биологические факты, не фиксированные естественные категории, а социальные конструкции, идентичности, которые увековечивают неравенство. Но в отличие от других теорий, КРТ, будучи полностью конструктивистской, имеет практическую цель – изменить ситуации во всех сферах общества². Эта школа, вышедшая из правовых исследований, утверждает, что расизм – не отклонение от нормы, а, скорее, повседневная норма в США и других странах, где она глубоко укоренилась в праве и социальных институтах, поэтому это сложно трансформировать. Белые элиты и белый рабочий класс извлекают из этого выгоду. Таким образом, значительная часть населения не заинтересована менять положение, поэтому необходимы постоянные действия на повседневном уровне, чтобы сформировать новую «нормальность», изменив «застарелые» нормы. Это требование относится прежде всего к белому населению, которое должно осознать свои привилегии и изменить отношение к представителям других рас. Соответственно, в академической среде требуется быть не только исследователем, но и активистом, своей деятельностью участвовать в изменении этого положения.

Соблазн конструктивизма как способа мышления в том, что он открывает неограниченные возможности преобразований в воображаемых мирах³ и в политической реальности. О тонкой грани между наукой и политикой, которую можно переступить, и о так называемом политическом конструктивизме, когда политика «соблазняет» науку перспективой непосредственного участия в социальных преобразованиях, говорят многие. То, что писал А. Филиппов в 1997 г. применительно к российской ситуации, можно видеть в описываемых мною сюжетах: «И тогда уже не наука (объективное знание сущностей и пределов) противостоит политическому действию, но объективизму одних исследователей противостоит активизм других, ангажированных политикой» [Филиппов, 1997]. Правда, в западном контексте идеализация неангажированного исследователя не в мейнстриме.

Это и есть мотив преобразующего действия – соблазн ставить все новые цели исправления мира, когда эйфория его совершенствования и обретения новых степеней свободы соединяется с практикой. Распознанные с помощью критических теорий несправедливости существующих отношений в обществе должны быть исправлены, и остается только *верить*, что провозглашенные идеи верны, что перемены будут к лучшему. Как говорится – учение Маркса всесильно, потому что верно.

Триумф понятия «идентичность»: от рассуждений о себе к политике идентичности. Начиная со второй половины XX в. понятие «идентичность» привлекает к себе все большее внимание социологов для изучения практически всех сфер жизни, индивидуальных миров и мира социального, социальных и политических движений, коллективных

² КРТ (Critical race theory) стала идеологической основой движения «Жизнь черных имеет значение» (Black Lives Matter).

³ Д.Г. Подвойский в рецензии на книгу Э. Лока и Т. Стронга «Social Constructionism: Sources and Stirrings in Theory and Practice» не случайно начинает с реакции на внесение в перевод дополнения в виде популярного слова «матрица» [Подвойский, 2020].

действий вплоть до новых войн, где идентичность в центре их целей [Kaldor, 1999]. В настоящее время без термина идентичность вряд ли обходится любая политическая или публичная полемика и любое социально-политическое движение. Само понимание идентичности трансформировалось в соотношении с общественно-историческим контекстом его развития и использования в социологии и социальной теории.

До 1950-х гг. это понятие практически не употреблялось. Изначально идентичность понималась как некая самость, сходная с «эго» Эриксона и Фрейда, и просто как рассуждения, мысль о самом себе, помещенная в языковую форму «я – такой-то (тот-то)», как тождество некоей сущности самой себе. Со временем идентичности атрибутировали существенное свойство индивидов или групп, рассматривая его как категорию описания самоопределения индивида в обществе.

В 1980-е и 1990-е гг. понятие «идентичность» прочно вошло в академический, политический и популярный лексикон. Этому способствовало, по крайней мере, несколько усилий интеллектуалов: концептуализации современности и постсовременности, общества потребления, социальных движений и, наконец, политики идентичности. И с важным допущением – появилась сама возможность истолковывать себя как человека, «имеющего идентичность». Именно это рассматривается как исторически новая формулировка⁴. В современных социальных теориях не подлежит сомнению, что сегодня люди, будучи рефлексивными субъектами, мыслят идентичностью и действуют в соответствии с ней и это чуть ли не господствующий способ мышления и мотивов практической жизни.

Согласно теоретикам постсовременности – З. Бауман, Э. Гидденс, У. Бек и др., идентичность становится ключевым понятием в объяснении происходящих изменений, в основном в русле глобализации и индивидуализации. Идентичность, по мнению Баумана, – порождение современности: «Предначертанность сменилась жизненными планами, судьба призванием, а природа человека, какой он был рожден – идентичностью» [Бауман, 2002: 179]. Предполагается, что в обществах модерна самоопределение ограничивалось набором относительно устойчивых категорий – класса, пола, расы, этничности, нации, места проживания и т.п., отражающих некий относительно устойчивый порядок и общественную структуру. Это означало сохранение и рационализацию эссенциалистских черт: быть индивидом с набором определенных черт, частью определенной группы, обладающей необходимыми общими чертами.

В обществах постмодерна, по Бауману, исчезает определенность: все неустойчиво и «текуче», а лабильная идентичность стала нормой. Главное внимание уделялось тому, что индивидуальные выборы и вымыслы самоопределения могут вообразиться или стать реальностью. Перечень потенциальных идентичностей в буквальном смысле слова бесконечен. Нельзя представить ни одной черты, которая не могла бы стать основой идентичности. И это кажется правдой, если смотреть на самопрезентации в социальных сетях. Но так ли это? Теоретики общества потребления из Франкфуртской школы, например, скептически смотрят на этот вопрос, аргументируя, что воспевание свободного индивидуального выбора всего лишь уловка системы господства через индустрию культуры, которая формирует индивидуалистские идентичности, выгодные в обществе потребления капиталистическому классу.

Однако есть и мнение, что идентичности «человека, имеющего идентичность», не существовало до политики идентичности [Моран, 2021: 19]. Этому спору посвящены сотни книг и статей в 1980–1990-е гг., представляющие в том или ином виде полемику вокруг эссенциалистской и конструируемой природы идентичности. Одни прослеживают проявление в идентичности форм биологического, культурного и психологического эссенциализма, подпитывающего политику расы и гендера (см., напр.: [Nicholson, 2008]). Другие считают, что гендерные и расовые социальные категории в эссенциалистской интерпретации

⁴ Мы не рассматриваем серьезный вклад культурно-антропологических исследований, чему также обязана концепция идентичности.

не требовали специального языка и понятия, не понимались через идентичность примерно до середины XX в., до появления политики идентичности. Исследователи социальных движений рассматривают любые «движения идентичности» скорее как культурные, не политические, чьи цели, стратегии и формы мобилизации могут быть лучше объяснены с опорой на представления об идентичности, нежели чем-то другим. В любом случае новая значимость понятия «идентичность» проявилась для формулирования целей и мобилизации активистов кампаний, начиная с 1960-х гг., найдя максимальное выражение в политике идентичности.

Политика идентичности и новая левая повестка. О политике идентичности в русскоязычной литературе говорится не совсем в том смысле, в котором она родилась в западных странах второй половины XX в. Между тем она – одна из интеллектуальных и политических основ социально-политических движений в западных странах. Ее появление связано с провозглашением неудач и недостаточности усилий движений за права человека середины XX в., с необходимостью нового осмысления «несправедливости». Эта политическая платформа имеет интеллектуальные корни в либеральном учении о правах человека. Политика идентичности сегодня многозначна в зависимости от разных политических позиций, прежде всего, левых – от умеренных до радикальных.

В научной литературе конца XX в. активизируются споры об этом понятии. Одни считают, что оно связано с критикой неудач левого движения в рамках универсального либерализма, явление не новое, атрибутируя его к ранним феминистским, антиколониальным, освободительным движениям. Другие полагают, что политика идентичности началась позже, когда пришло осознание неудач левого движения середины века. Движения за социальную справедливость 1960–1970-х гг. выступали за признание на основе расы, пола, сексуальной или этнической принадлежности. «Старые» левые не достигли желаемых результатов; сторонники новых левых объясняют причины этого неуспеха тем, что предыдущие действия исходили из неверных посылов эссенциалистской политики, основанной на кажущихся отличиях от большинства, и были встроены в действующую систему доминирования, тем самым ее воспроизводя. Что отличает политику идентичности от прежних движений, так это ее требование признания на тех самых основаниях, на которых ранее в признании было отказано: группы именно женщин, черных, лесбиянок требуют признания. Требуется не включение в лоно «универсального человечества» <...> и не уважение, «несмотря на» различия. Скорее, требуется уважение к себе как к другому [Calhoun, 1994: 53]. Это принципиальное отличие переводит все в поле осознания, репрезентации и стремления к признанию, то есть идентичности, что ярко представлено движениями⁵.

Смысл политики идентичности в следующем: те, кто чувствует себя угнетенными в условиях системного социального неравенства, должны «осознать» свой опыт страданий и угнетения, чтобы самим исправить ситуацию, выйти из стигматизированного и несправедливого положения. В своих исследованиях социологи все больше внимания уделяют опыту и выражению идентичности. Как правило, исследователи, например, руководствующиеся КРТ, используют повествовательные и биографические методы, чтобы изучить, что означает расизм для своих жертв, как люди переживают опыт расизма. Решение проблем несправедливости видится в трансформации идентичности – вместо того, чтобы принимать негативные сценарии, предлагаемые доминирующей культурой о собственной неполноценности, человек трансформирует собственное чувство себя и общности и, так сказать, «укрепляет свое самосознание», идентичность. Соответственно лучшими формами проявления трансформации является организация солидарных с такими же жертвами несправедливости действий в борьбе за свои права. В то же время трансформация идентичности касается и других обладающих привилегиями (относимых к большинству):

⁵ Термин «меньшинство», напомним, является в этом контексте стратификационной категорией, отражает не только культурное неравенство, но, прежде всего, подчиненную позицию, угнетение.

они должны «осознать», что их привилегии несправедливы и достались от старой системы доминирования, а это требует перемен существующего порядка.

В 1990-х гг. в социологию вошел термин *интерсекциональность* [Grenshaw, 1991], который рассматривал все больше категорий (изначально расовых и гендерных) маргинализированных идентичностей как обуславливающих маргинальность друг друга, как культурные факторы дискриминируемого положения. Термин служил смене акцента в идеологической платформе: *либеральный универсализм* (равное отношение независимо от идентичности) уступал место политике идентичности (основанной на *значимости определенной идентичности*).

Все «несправедливости» рассматриваются как разные проблемы и следствия одной и той же социальной системы капитализма. Это придало риторике новых левых радикально мощный толчок. С новым витком борьбы за справедливость сторонники леворадикальных взглядов, исходя из таких понятий, например, как «разбуженный капитализм» (воукизм), сходятся в следующем: борьба против расизма, патриархата, гетеронормативности и привилегий структурно завязана на борьбу против системного капитализма. Н. Фрейзер⁶, критикуя то, что она называет «культурным поворотом» в политике идентичности, и утверждая, что слишком многое в ней отвлекает внимание от пагубных последствий неолиберального капитализма и растущего неравенства в богатстве, видит решение в создании проекта антикапитализма, который «синтезирует» не только признание и репрезентацию, но и перераспределение.

Однако реализация политики идентичности, как видится, не решает, а в некотором смысле только усиливает проблемы⁷, ведет к фрагментации обществ. Чаще звучит критика, что эгалитарное использование этой идеи практически невозможно сегодня⁸. Отмечаются бесперспективность и белые пятна политики идентичности, ведущие, например, к неудачам мультикультурализма. Проблемны и перспективы солидарности. С одной стороны, разговор идет о коммерциализации идентичностей: в условиях общества потребления и неолиберального капитализма *индивидуальное* значение идентичности возобладали над социальным, групповым, поскольку всё, и политика, стало прежде всего способом поощрения индивидуального потребления в глобальном масштабе. Наблюдается возникновение и либертарианской версии политики идентичности с акцентом на индивидуальные права, которыми обладают «сознательные» носители определенных идентичностей в противовес любому чувству групповой солидарности [Chasin, 2000; Feitz, 2012]. С другой – трудности объединения связаны с распрями внутри левых движений и размыванием основ солидарности: обычное соревнование, кто более сделал для справедливости. Например, последователи воукизма считают себя единственными, кто «пробудился» и осознал проблему системной социальной несправедливости.

Слышны и вопросы, «как политика идентичности Америки перешла от включения к разделению», и сомнения в ее реализации: «как только политика идентичности набирает обороты, она неизбежно распадается, порождая много разных и постоянно растущих групповых идентичностей, требующих признания»⁹. К примеру, соревнование за включение в постоянно расширяющийся словарь идентичностей означает не только признание, а вхождение в список на получение определенных привилегий и ресурсов,

⁶ Frazer N. The battle for neoliberal hegemony: an interview with Nancy Fraser // CENTRI Southern Social movement. Newswire. January 25, 2016. URL: <https://www.cetri.be/The-battle-for-neoliberal-hegemony?lang=fr> (дата обращения: 17.09.2023).

⁷ Пока, правда, подобная критика представлена в западной литературе фрагментарно и в основном в неакадемических изданиях. В русскоязычной литературе интересное критическое рассмотрение и культурологический анализ этих явлений предлагает Л. Ионин (см., напр., *Ионин Л.Г. Восстание меньшинств*. М.: Универ. книга, 2013).

⁸ Mohandesi S. Identity Crisis // Viewpoint Magazine. 2017. March 16. URL: <https://viewpointmag.com/2017/03/16/identity-crisis/> (дата обращения: 17.09.2023).

⁹ Chua A. How America's identity politics went from inclusion to division // Guardian News & Media. URL: <https://www.theguardian.com/society/2018/mar/01/how-americas-identity-politics-went-from-inclusion-to-division> (дата обращения: 17.09.2023).

обеспечивающих представительность меньшинств в разных институтах – занятости, образования, в политике. В аббревиатуре ЛГБТ и далее, в которой предпочтительная терминология и буквы меняются, группы меньшинств спорят о том, кого туда включать и кто первый в списке угнетенных. Сформулирован некоторый диагноз: «Поскольку левые всегда пытаются превзойти последних левых, результатом может стать соревнование с нулевой суммой в вопросе, какая группа будет наименее привилегированной, так называемая “Олимпиада угнетения”, часто фрагментирующая “прогрессистов” и настраивающая их друг против друга. Хотя инклюзивность, по-видимому, по-прежнему является конечной целью, современные левые придерживаются подчеркнуто *исключающего* подхода»¹⁰.

«На могиле класса»: смена, замена или подмена неравенств? Антикапиталистические экономические заботы старых левых к 1990-м гг., с распадом Советского Союза, начали уступать место новому пониманию угнетения: фокус смещается от *экономического неравенства к культурному*, политика перераспределения заменена «политикой признания». Впрочем, как показано выше, так и родилась современная политика идентичности, которой стали маркировать *всю групповую или якобы неклассовую политику*. Вероятно, язык идентичности появился как язык нейтральных или неклассовых значений. Эта вероятность возрастет, если помнить о критике концепции классовых интересов как коммунистического и антиамериканского подхода и о давлении маккартизма в США 1950-х гг.

Между тем в эпоху обществ потребления рост и изменения потребительских практик сдерживают и вытесняют классовый конфликт [Agger, 1992], не устраняя классового неравенства. Более того, исследователи фиксируют рост экономического неравенства. Но в публичном и медийном дискурсах тема классового неравенства отходит на задний план. Сегодня неравенство в экономическом смысле представляется уделом в основном экономистов; об этом говорят они сами. На невнимание социологов к этим проблемам сетуют социологи старой школы, включая М. Сэвиджа, автора книг о британской классовой стратификации [Savage, 2000; 2015].

Развитие социологии многим обязано концепту класса. С конца XIX и весь XX век исследования социальной стратификации идут в полемике с марксовыми идеями класса и классового конфликта. Прежде всего оспаривалась идея поляризации и ужесточения классовой борьбы. В этой полемике концепт среднего класса сместил внимание на статусные характеристики (образование, квалификация), культурные и потребительские практики, достигаемые, правда, уровнем дохода. Значимость стратификационным исследованиям придавало то, что в западных странах класс служил базовым предиктором электорального поведения. Растущий средний класс рассматривался как гарант устойчивости общества, основной налогоплательщик, потребитель и избиратель. В исследованиях в том или ином виде класс сохраняет свое экономическое значение, приобретает все больше культурные измерения. Термин «классовое неравенство» постепенно вытеснялся более нейтральной стратификацией, выраженной в определениях «меньшинств»; «класс» теснила нейтральная «идентичность».

Парадокс: с одной стороны, почти во всех развитых капиталистических обществах неравенство в богатстве и доходах увеличилось за последние два или более десятилетия [Gottschalk, Smeeding, 1997; Piketty, 2014 и др.], как и неравенство в доступе к образованию, здоровью, продолжительности жизни. С другой – классовый анализ подвергается сомнению, постулируется «смерть класса». В 1996 г. книга М. Уотерса и Дж. Пакульского [Rakulski, Waters, 1996] под этим названием подвела некую черту под обширной полемикой относительно эмпирических показателей классовых концептуализаций. Суть книги в тезисе, что классовые различия «растворяются», наиболее развитые общества уже не являются классовыми. Приводя несколько аргументов о том, что класс более не определяет различия моделей поведения (владение недвижимостью, брачное поведение, культурные предпочтения, потребительские практики), авторы выделяют главное: концепт класса более

¹⁰ Там же.

не определяет электоральное поведение, не связан с ним. То есть британский «рабочий класс» с меньшей вероятностью будет голосовать за лейбористскую партию, чем раньше. Аналогичные результаты получены для других промышленно развитых стран. Это означает, что *концепт класса больше не работает*, отражая и некоторую растерянность исследователей относительно политических предпочтений людей и прогнозов их голосования.

Вместо классовой стратификации Пакульский и Уотерс предлагают основание, связанное со статусными различиями (престиж); статусное потребление, выраженное в образе жизни и моделях потребления, они называют «сложным бесклассовым неравенством». Для тех, кто оказался в неблагоприятном положении из-за их неспособности участвовать в статусном потреблении, они вводят понятие «аскриптивно обездоленного низшего класса». Книга породила новые дискуссии. Реагируя на нее, ученые, в их числе Т. Пикетти¹¹, недавно заявили: «Класс не умер, а как решительно высказались 15 лет назад трое политологов: *он был похоронен заживо*»¹². Вслед за ними, Пикетти и его коллеги видят главный парадокс в том, что несмотря на резкий рост экономического неравенства во многих частях мира с 1980-х гг., не происходит – или, по крайней мере, не замечено усиления политических требований о перераспределении богатства и возврате к классовой политике. Чем это объяснить? Исследователи предлагают следующее.

В конце XX в. в связи с экспансией высшего образования все стало гораздо сложнее по сравнению с 1950–1960 гг., когда большинство избирателей имело начальное или самое большее среднее образование. Избирательные базы левых и социал-демократических партий, когда-то защитников большего равенства доступа к системе образования, все чаще представлены наиболее образованными частями электората. Как пишут авторы, сменилась роль левых партий, они теперь чаще рассматриваются как партии, защищающие в первую очередь «победителей игры» в высшее образование. Растущее недовольство тех, кто не получил образования и выгод от него, сдвигало многих из них в сторону консервативных партий. Исследователи обнаружили, что сегодня в политическом поле именно образование наиболее четко отличает сторонников политических партий – новых прогрессистских левых, зеленых и консервативных антииммиграционных политиков. В то же время доход не столь сильно отличает социал-демократические партии от консервативных. Также в некоторых случаях переход левых партий к продвижению неолиберальной политики напрямую способствовал упадку классовых противостояний и росту конфликтов на основе идентичности.

Последствия этой трансформации вполне ясны. Фактически политические системы стали представлять два типа элит – богатую и хорошо образованную. То есть политика представлена соревнованием двух элит. В итоге в политическом поле почти не осталось места выражению интересов наиболее обездоленных граждан, которые не чувствуют себя представленными существующими демократическими институтами. Именно они составляют так называемое молчаливое большинство. К примеру, в последние десятилетия в Великобритании и в большинстве западных стран резко возросло число воздерживающихся от участия в выборах граждан с низким доходом и образованием. В книге Дж. Эванса и Дж. Тилли [Evans, Tilley, 2017] показано, как это «политическое исключение британского рабочего класса» было спровоцировано политическими партиями и СМИ, которые уделяли все меньше внимания вопросам неравенства. По сути, за несколько десятилетий классовая стратификация заменена новой формой «элитаризма».

Несмотря на то что классовая политика почти исчезла из повестки, концепт класса остается важным и дискутируемым. В защиту «класса» выступил М. Сэвидж [Savage, 2013], который в ответ на указанную книгу и исследования в США, Великобритании и Европе,

¹¹ Geltin A., Martinez-Toledano C., Piketty T. How politics became a contest dominated by two kinds of elite // The Guardian. 5 August 2021. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2021/aug/05/around-the-world-the-disadvantaged-have-been-left-behind-by-politicians-of-all-hues> (дата обращения: 17.09.2023).

¹² Речь идет о статье [van der Waal, Achterberg, Houtman, 2007].

показывающие, что некоторые из старых элементов класса, а именно сознательное отождествление людей с определенным классом, то есть классовое сознание (классовая идентичность), по-видимому, исчезает, говорит о «парадоксе класса». Его аргументация: по мере *ослабления коллективного* классового сознания (идентичности), класс по-прежнему значим для людей, переживается как часть субъективного самоощущения индивида [Savage, 2000]. Сэвидж и его коллеги, ориентируясь на идеи Бурдьё, опираясь на свои исследования, выступают за альтернативу «культурного классового анализа», который рассматривает, как «в различных условиях социальной жизни процессы неравенства производятся и регулярно воспроизводятся и как это включает в себя как *экономические*, так и *культурные практики*» [ibid: 196]. Это отвергает старую аналитическую модель, в которой структура экономического класса порождает статусные (или культурные) различия; вместо этого культурные процессы встроены в конкретные виды социально-экономических практик» [ibid: 194]. Его точка зрения: класс по-прежнему имеет определяющую силу в жизни многих людей, а концепт класса – в исследованиях, независимо от того, измеряется ли она занятостью, богатством или потреблением. Да, в политическом поле его значимость снизилась, но кто знает...

И еще один механизм классового различения – язык, сети и культура коммуникации, стили поведения, обычно не рефлекслируемые людьми как социально-классовые. Важность языка стоит подчеркнуть, так как он непосредственно связан с образованием, социализацией в студенческих кампусах. Знание языка политики идентичности обязательно в активистских и академических кругах, а вопросы культурной, расовой, гендерной и сексуальной идентичности преобладают в общественных науках, гуманитарных дисциплинах и искусстве. Поиск собственной «настоящей» идентичности возведен в статус ключевой психологической цели. В итоге производители знаний, выпускники университетов, академические активисты, включая социологов, являясь частью образованного класса, «победителей» игры в образование, говорят на специализированном языке, используя слова малопонятные обычным людям или кажущиеся им понятными. Этот язык оформил культурно-идеологическую рамку солидаризации и идентичности части новых элит, представляя культуру, заметно отличную от «молчаливого большинства», что, правда, не всегда означает, что последние против. Кстати, «молчаливое» слишком говорящее слово, означает отсутствие голоса не только в политическом, но и публичном и культурном дискурсе.

Заключение. Заявка на тотальный характер изменений в отношении социальных делений и неравенств в так называемых постмодерных обществах появилась в повестке не без участия социологии и политики идентичности, теоретические основания и конструкции которых играют важную роль в формировании научного и общественно-политического дискурса. Академический активизм усилил эту связь с повесткой проводимых изменений.

В фокусе повестки – изменения *норм повседневности* на уровне того, что Грамши называл обыденным сознанием, «*common sense*» или гегемонией. Университетская и культурная среда выступает главным звеном изменений, что также соответствует Грамши. Казалось бы, левое революционное движение следует его логике. Направивается параллель с моральными и прогрессистскими коннотациями: не напоминает ли это воспитание «нового человека» советских времен? В определенном смысле можно говорить о принятии значительной частью населения новых ценностей и новой этики, по крайней мере, как это видится в Европе и США. Постепенно в США и странах Европы произошла замена классовый политики неклассовой. Сформировавшийся мейнстрим претендует на универсальность. Можно говорить, что смещение внимания с классовых неравенств на неклассовые опосредовано не только экономическим развитием западных обществ (обществ благосостояния), но и артикулирующей (конструированием) новых пространств культурных противоречий и способов их решать. Но так ли это и каки? И так ли это для других обществ?

По крайней мере, два сомнения. Сам дискурс политики идентичности – дискурс не столь угнетенных меньшинств, сколько элит, и встроены в идеологическую систему

господствующего неолиберализма, вряд ли представляя ему альтернативу, несмотря на анонсируемые задачи борьбы с системным капитализмом. Похоже на то, что отмечают Л. Болтански и И. Кьяппелло, говоря о «новом духе капитализма», который служил легитимации гибкого неолиберального капитализма нашего времени [Boltanski, Chiapello, 2005]. По их мнению, капитализм переделывает себя, в том числе благодаря художественной критике организованного капитализма новыми левыми, одновременно подрывая их социальную критику. Если отнести это к глобальному порядку, остается «старый» вопрос: имеют ли рассмотренные концептуализации критическое или универсальное значение в силу объективных исторических или повседневных коннотаций?

Участвуя в формировании текущей повестки конкретных обществ определенного времени, волею или неволею социологи играют роль ее интеллектуальных проводников. Так сложилось, что социология и социальные теории строили свое научное знание на определенной части глобального социума, задавая остальным представление о том, что это и есть глобальные тренды. Более того, здесь можно увидеть классовый «налет». Все больше предметом и объектом социологии становились «общества изобилия», элиты, креативный класс и то, что их волнует. Выбрав «общество изобилия» предметом изучения, социологи сделали его же своим читателем и почитателем. Можно ли сказать, что «современная» социология все заметнее оформляется как интеллектуальный продукт определенного слоя – части образованной элиты; растущие экономические неравенства и «молчаливое большинство» остаются в поле научного внимания экономистов и старой академической школы?

Остается много вопросов для рефлексивной социологии. Российской социологии не следует забывать, что понятия рождаются и развиваются в определенной культурно-исторической и политической среде, отражая именно ее. С большой осторожностью можно транслировать их в другие контексты. Эта дискуссия, видимо, продолжится, и не помешает критическая рефлексия социологов в отношении общества, себя и социологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ [REFERENCES]

- Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2002. [Bauman Z. (2002) *Individualized Society*. Moscow: Logos. (In Russ.)]
- Бэр П. Социология остановилась // Социологические исследования. 2020. № 9. С. 3–15. [Baehr P. (2020) *Sociology arrested*. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 9: 3–15. (In Russ.)]. DOI: 10.31857/S013216250010090-2.
- Моран М. Идентичность и политика идентичности: культурно-материалистическая история // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2021. № 1. С. 15–39. [Moran M. (2021) *Identity and Identity politics: A Cultural and Materialistic History*. *Neprikosnovennyi zapas. Debaty o politike i kul'ture* [An inviolable reserve. Debates about politics and culture]. No. 1: 15–39. (In Russ.)]
- Плакроуз Х., Линдси Д.А. Циничные теории: как все стали спорить о расе, гендере и идентичности и что в этом плохого. М.: Individuum, 2022. [Plakrose H., Lindsey D.A. (2022) *Cynical Theories: How Everyone Started Arguing About Race, Gender and Identity And What's Wrong With That*. Moscow: Individuum. (In Russ.)]
- Подвойский Д.Г. Лабиринтами Матрицы: осваивая социальный конструкционизм // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 4. С. 60–92. [Podvoysky D.G. (2020) *The Labyrinths of the Matrix: mastering social constructionism*. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskkiye i sotsial'nyye peremeny* [Monitoring public opinion: economic and social changes]. No. 4: 60–92. (In Russ.)]. DOI: 10.14515/monitoring.2020.4.1644.
- Терборн Й. Знание и власть: социальная наука и социальный мир // Социологические исследования. 2022. № 4. С. 15–20. [Therborn G. (2022) *Knowledge and power: social science and the social world*. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 4: 15–20. (In Russ.)]. DOI: 10.31857/S013216250019603-6.
- Филиппов А.Ф. О понятии «теоретическая социология» // Социологический журнал. 1997. № 1–2. С. 5–37. [Filippov A.F. (1997) *On the concept of "theoretical sociology"*. *Sotsiologicheskii zhurnal* [Sociological Journal]. No. 1–2: 5–37. (In Russ.)]

- Штомпка П. В фокусе внимания повседневная жизнь. Новый поворот в социологии // Социологические исследования. 2009. № 8. С. 3–13. [Sztompka P. (2009) The focus of attention is everyday life. A new turn in sociology. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 8: 3–13. (In Russ.)]
- Agger B. (1992) *Cultural Studies as Critical Theory*. London: The Falmer Press.
- Boltanski L., Chiapello E. (2005) The new spirit of capitalism. *International journal of politics, culture, and society*. Vol. 18: 161–188.
- Calhoun C. (ed.) (1994) *Social Theory and the Politics of Identity*. John Wiley & Sons.
- Chasin A. (2000) *Selling out: The Gay and Lesbian Movement Goes to the Market*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.
- Crenshaw K. (1991) Mapping the Margins: Intersectionality, Identity Politics, and Violence against Women of Color. *Stanford Law Review*. Vol. 43. No. 6: 1241–1299. DOI: 10.2307/1229039.
- Delgado R., Stefancic J. (eds) (2000) *Critical Race Theory: The Cutting Edge*. Philadelphia: Temple UP.
- Delgado R., Stefancic J. (2001) *Critical race theory: an introduction*. New York: New York University Press.
- Evans G., Tilley J. (2017) *The New Politics of Class. The Political Exclusion of the British Working Class*. Oxford: Oxford University Press.
- Feitz L. (2012) Creating a Multicultural Soul: Avon, Race, and Corporate Responsibility in the 1970s In: Hill L.W., Rabig J. (eds) *The Business of Black Power: Community Development, Capitalism, and Corporate Responsibility in Postwar America*. Rochester: University of Rochester Press.
- Gottschalk P., Smeeding T.M. (1997) Cross-national comparisons of earnings and income inequality. *Journal of economic literature*. Vol. 35. No. 2: 633–687.
- Kaldor M. (1999) *New and Old Wars: Organised Violence in a Global Era*. Stanford: Stanford University Press.
- Nicholson L. (2008) *Identity before Identity Politics*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Pakulski J., Waters M. (1996) *The death of class*. London: Sage.
- Piketty T. (2014) *Capital in the Twenty-First Century*. Boston: Harvard University Press.
- Savage M. (2000) *Class Analysis and Social Transformation*. Open University Press.
- Savage M. (2015) *Social Class in the 21st Century*. London: Pelican.
- Savage M. et al. (2013) A new model of social class? Findings from the BBC's Great British Class Survey experiment. *Sociology*. Vol. 47. No. 2: 219–250.
- van der Waal J., Achterberg P., Houtman D. (2007) Class is not dead – it has been buried alive: class voting and cultural voting in postwar western societies (1956–1990). *Politics & Society*. Vol. 35. No. 3: 403–426.

Статья поступила: 18.09.23. Финальная версия: 02.11.23. Принята к публикации: 30.11.23.

TRANSFORMATIONS OF WESTERN SOCIOLOGY: MAINSTREAM AND PUBLIC AGENDA

DANILOVA E.N.

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Russia

Elena N. DANILOVA, Cand. Sci. (Sociol.), Head of the Center of the Studies in Theory and History of Sociology, Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia (endanilova@gmail.com).

Abstract. The article examines several mutually constitutive turns over the past half century in contemporary sociology and in academic debate regarding social inequalities: the constructivist turn and the struggle against essentialism, the concept and theories of identity, identity politics, the “death of class”, the new left agenda and the new oppressed. In critical way, I discuss the link between the current left mainstream in sociology, and the replacement of class politics with non-class, so-called identity politics. The turn was discursively formed in connection with the ideological agenda in the western societies and politics. The role of academic activism in strengthening this connection is quite decisive. Ultimately, it leads to a discussing the ‘old’ question – whether the conceptualizations that represent the sociological mainstream today have crucial and universal significance due to their objective historical or everyday connotations of a certain time, or whether they serve as intellectual guides in the current agenda and ideological narratives that mediate the perception of reality.

Keywords: social inequalities, constructivist turn, essentialism, concept of identity, identity politics, “the death of class”, new left agenda, activism-scholarship.

Received: 18.09.23. Final version: 02.11.23. Accepted: 30.11.23.